

— Чик-чирик! — Громкий птичий крик Пухляша ясно демонстрировал его нынешнюю устрашающую силу. Обнаружив трещину в жгучей стене, он быстро ударил своим треугольным клювом, и стена рассыпалась на части. Затем Пухляш взмахнул крыльями, развеяв остатки стены перед ментальными руинами.

Сильный ветер, созданный крыльями Пухляша, чуть не сбил с ног самого Чжао Хунгуана, но тот успел ухватиться за лапку птицы, избежав неприятностей.

— Хватит, Пухляш!

Чжао Хунгуан крикнул, подозревая, что его гордое духовное тело слишком увлеклось ощущением силы и не могло остановить свои крылья.

Духовные тела все же являются проекцией сознания их владельцев, поэтому, как бы ни был шаловлив Пухляш, он не мог позволить себе задерживать Чжао Хунгуана. Немного удовлетворив свою потребность в демонстрации, он быстро отделился от страшной ментальной силы Чжао Хунгуана.

Все ментальные щупальца вернулись в тело Чжао Хунгуана — это была его сила, и только он мог использовать её наилучшим образом.

После разрушения жгучей стены ментальный бастион Хань Цзюня, напоминающий руины, всё ещё был окутан атмосферой отчаяния. Единственным светлым пятном была роза, тихо растущая в углу — нежная и прекрасная.

Чжао Хунгуан сосредоточил всю свою силу в правой руке и осторожно коснулся розы. Как он и предполагал, роза сохранила часть силы Вэй Чэня, которая была мягкой, но мощной. Этот свет, принадлежавший Вэй Чэню, быстро слился с ментальным светом Чжао Хунгуана, выпустив тысячи ярких лучей, которые окутали как самого Чжао Хунгуана, так и руины ментального бастиона Хань Цзюня.

Чжао Хунгуан закрыл глаза. Перед ним появился призрачный силуэт, который протянул руку, чтобы коснуться его ладони.

Мощный поток ментальной энергии окружил ментальный бастион Хань Цзюня, и Чжао Хунгуан, даже не открывая глаз, почувствовал, как повреждённый бастион начал медленно восстанавливаться. Кирпичи, излучающие слабый свет, начали появляться из покрытой травой земли, постепенно складываясь на повреждённом фундаменте, пока на лугу не возвысилась величественная Чёрная Башня.

Да, полная форма ментального бастиона Хань Цзюня представляла собой высокую и величественную Чёрную Башню, которая, казалось, имела таинственную связь с Чёрной Башней, где он сейчас находился.

Восстановление ментального бастиона означало, что синдром берсерка Хань Цзюня был устранён, а его ментальное море окончательно пришло в норму.

Внезапно в ушах Чжао Хунгуана раздался гул. Он слегка приоткрыл глаза и с удивлением увидел, как окружающий пейзаж начал стремительно меняться. Луг, который он создал для Хань Цзюня, оказался не окончательной формой его ментального моря. Густые леса, журчащие реки и скалистые горы, собранные в квантовой гармонии, покрыли луг, окружив величественную Чёрную Башню.

Чем богаче ментальный пейзаж, тем сильнее его обладатель. Чжао Хунгуан знал, что даже у Высших Проводников редко бывает столь богатый ментальный пейзаж. Даже его собственное ментальное море, наполненное цветами, казалось менее впечатляющим по сравнению с величественным пейзажем Хань Цзюня.

— Дядя Хань, это и есть истинный вид твоего ментального моря?

Чжао Хунгуан не мог скрыть своего восхищения. Он впервые видел Страж с таким величественным ментальным морем.

Теперь он наконец осознал, насколько страшным может быть Страж ранга S0. Неудивительно, что Хань Цзюнь смог поставить нынешнего Верховного Стража Лин Фэна в столь неловкое положение.

Затем из Чёрной Башни, скрытой в глубине леса, хлынул невидимый поток энергии. Это был защитный механизм ментального бастиона Стража, который изгонял любую чужую ментальную энергию, не связанную с ним, даже если она помогла его восстановить.

— Ух... — Хань Цзюнь, лежащий на медицинской койке, издал стон. Восстановление ментального бастиона и полное исцеление ментального моря оказали сильное давление на его ослабленное тело, и когда его ментальный бастион запустил защитный механизм, он едва смог выдержать это.

Чжао Хунгуан, не имевший официальной ментальной связи с Хань Цзюнем и потративший слишком много сил на восстановление его ментального бастиона, не смог противостоять энергии, исходящей из ментального бастиона Хань Цзюня. Он был вынужден вместе с Пухляшом поспешно покинуть его ментальное море и вернуться в реальный мир.

— Ух... — Открыв глаза, Чжао Хунгуан почувствовал лёгкую подавленность. Хотя он понимал, что Стражи всегда настороженно относятся к вторжению чужих Проводников, он всё же ощутил внутреннее сопротивление Хань Цзюня. В конце концов, Хань Цзюнь был женат и имел совместимого Проводника. Даже если внешне он проявлял доверие и дружелюбие, его сердце, израненное потерей любимого человека, не могло быть исцелено так легко.

— Братец, ты чувствуешь себя лучше? — Чжао Хунгуан, видя, что Хань Цзюнь выглядит не

очень хорошо, не смог сдержать своего беспокойства.

— Гораздо лучше, — ответил Хань Цзюнь, всё ещё осматривая своё ментальное море и бастион. Всё, что произошло в его ментальном море, он видел.

С каждым восстановленным кирпичом ментального бастиона роза оставалась на своём месте. Мучительное жжение, которое долгое время терзало его, наконец начало ослабевать и исчезать. Однако в его ментальном море начала распространяться другая боль.

Точнее, это была не боль, а глубокая пустота. Потеряв стабильную ментальную связь с Вэй Чэнем, Хань Цзюнь почувствовал, как пустота в его ментальном море стала ещё более ощутимой. Это заставило его даже немного скучать по тем дням, когда его ментальное море было охвачено жгучей болью. Хотя это было мучительно, нынешняя пустота и потерянности казались ему ещё более невыносимыми.

— Отлично! Теперь Чёрная Башня не будет тебя усыплять!

Чжао Хунгуан искренне порадовался за Хань Цзюня. Он также чувствовал удовлетворение от того, что в конечном итоге спас его. Что касается сопротивления его ментального моря, теперь это казалось не столь важным. Каждая пара Стража и Проводника проходит через подобный этап перед установлением совместимости. Как только Хань Цзюнь позволит, Чжао Хунгуан сможет установить с ним прочную ментальную связь и естественным образом достичь более глубокого эмоционального резонанса.

Всё развивается постепенно, и, хотя Чжао Хунгуан был молод, он не был нетерпеливым. Поняв причинно-следственную связь, он быстро смирился с текущей ситуацией.

— Спасибо, — кроме благодарности, Хань Цзюнь не знал, что ещё сказать. Сильная усталость от истощения ментальной и физической сил, а также пустота и потерянности в его ментальном море лишили его энергии.

Поблагодарив Чжао Хунгуана, Хань Цзюнь снова закрыл глаза. Он изо всех сил пытался вспомнить что-то о Вэй Чэне, но с грустью осознал, что даже после восстановления ментального бастиона он всё ещё не мог ясно вспомнить моменты, проведённые с ним. Особенно тот бой, который забрал жизнь Вэй Чэня, словно стёрся из его памяти. Он даже не мог вспомнить, когда видел Вэй Чэня в последний раз.

Это было поистине печально. Как любовник и как Страж, который должен был защищать своего Проводника, он потерпел полное поражение.

Слеза медленно скатилась по щеке Хань Цзюня. Он сжал губы, лишь слегка слышно всхлипнув. Он не хотел плакать перед Чжао Хунгуаном, но просто не мог сдержаться. В конце концов он отвернулся, делая вид, что никто этого не видит.

Чжао Хунгуан был потрясён, увидев, как Хань Цзюнь плачет. Даже когда тот страдал от синдрома берсерка, он не проявлял такой слабости.

<http://bllate.org/book/15254/1345148>